

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Москвин Георгий Владимирович

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ГЕНЕЗИС,
СТИЛЬ, ИДЕЯ**

Специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Алпатова Татьяна Александровна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской классической
литературы ФГБОУ ВО
«Московский государственный областной
университет»

Савинков Сергей Владимирович
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры журналистики и литературы ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный педагогический
университет»

Юхнова Ирина Сергеевна
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры русской литературы ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени
Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится «20» апреля 2023 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

Email: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертации научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д.27) и на сайте ИСА «ИСТИНА»: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2422>
Автореферат разослан «14» февраля 2023 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена исследованию прозы М.Ю. Лермонтова в соотношении с полным объемом его творчества и в динамике ее развития. Проза Лермонтова, будучи уникальным литературным явлением, имеет огромное культурное значение и представляет исследовательский интерес в следующих основных аспектах:

- поэтика и художественное мировоззрение автора;
- отражение идейно-стилевых тенденций в русской и мировой литературе;
- сохранение преемственности в эволюции русской литературы как единого непрерывного процесса;
- роль в формировании русской прозы 1830-х – начала 1840-х гг.;
- влияние на последующую русскую литературу в ближнем и дальнем историко-литературном контекстах;
- отражение в мировой литературе;
- системное выражение ведущих философских и стиливых идей первой половины XIX века.

Проза занимает особое место в жанрово-родовом спектре творчества М.Ю. Лермонтова. В романе «Герой нашего времени» и других произведениях художественное слово прозы и художественное слово поэзии с его свободной и субъективной семантикой различаются по функции. Внимание, прежде всего, привлекает концептуализация тем *любви, отношений между людьми, духовности, нравственности, экзистенции человека*. В прозе Лермонтова также получают философское осмысление художественные концепты *природы, воли, судьбы, свободы, одиночества, счастья*, а также социальные темы отношений *личности и общества, различных слоев общества, морали, войны*. Все сюжеты прозы Лермонтова основываются на категориях *духа, веры и души* человека.

В исследовании мы исходим из следующей периодизации творчества Лермонтова, каждому периоду соответствуют определенные прозаические произведения: 1828-1832 гг. – роман «Вадим»; 1833-1836 гг. – роман «Вадим»,

набросок «Я хочу рассказать вам», сказка «Ашик-Кериб», роман «Княгиня Лиговская» (1836-1838); 1837-1841 гг. – роман «Герой нашего времени»; 1841 г. – повесть «Штосс», очерк «Кавказец» (высказанное положение определяет новизну настоящего исследования). Приведенная последовательность позволяет сделать следующее наблюдение. Несовпадение границ периодов творчества со временем написания прозаических произведений обуславливает необходимость рассматривать этапы прозы сообразно их роли во всем объеме творчества Лермонтова: обобщение раннего творчества – формирование индивидуального стиля писателя – вершина прозаического творчества Лермонтова – начало возможного нового этапа.

Подобный подход к изучению прозы в составе творчества Лермонтова не применялся последовательно в силу сложности задачи: определение широкого диапазона взаимосвязей прозаического текста и произведений иной жанрово-стилевой и родовой природы. Однако применение данного подхода позволяет рассматривать создание всего корпуса произведений поэта как единый, связный процесс. Выдающийся лермонтовед Б.М. Эйхенбаум, по свидетельству его коллеги Б.Я. Бухштаба, осознавая насущность проблемы, предполагал представление творчества Лермонтова в его наджанровых и соотносительных по времени внутренних связях¹. Замысел этот, однако, не был осуществлен.

В исследовательской литературе сложилась обширная и плодотворная практика рассматривать прозаические произведения Лермонтова как тексты *последовательные* во времени, а значит, и в известной степени изолированные друг от друга, хотя все же перекликающиеся в мотивах, темах, образах, идеях. Такой подход, безусловно, является базовым для изучения данного литературного явления, однако для полноценного представления прозаического творчества Лермонтова требуется изменение исходных установок проведения анализа. Речь в данном случае идет не о *связях*, а о *связности*, т.е. акцент делается на подходе к прозе Лермонтова не столько как к сумме автономных текстов, сколько как к *единому, движущемуся* тексту. Здесь уместно говорить о

¹ Бухштаб Б.Я. Предисловие // Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.-Л., 1961. С. 4-6.

том, как один текст не просто связан с другим – он вырастает, или точнее – *прорастает* из другого, отделённого по времени, но совмещенного в творческом сознании.

Изучение стиля прозы Лермонтова с подобным особым вниманием к ее происхождению требует рассмотрения историко-литературного контекста его формирования. Прежде всего, в сферу анализа вовлекаются русская литература XIX в. и западноевропейская литература второй половины XVIII – первой половины XIX вв., а также некоторые произведения американской литературы первой половины XIX в.

Пристального внимания требует вопрос влияния на прозу Лермонтова древнерусской литературы и русской литературы XVIII в., при этом следует учитывать то обстоятельство, что при обращении к историческому художественному материалу Лермонтов неизменно сохранял приверженность духу и проблематике своего времени.

Проза Лермонтова рассматривается как литературное явление, возникшее в недрах традиции и формирующееся в культурной и литературной среде первой половины XIX в. Последовательная реализация данного положения при описании прозы Лермонтова позволит представить целостный взаимосвязанный литературный процесс русской и западноевропейской литературы в его влиянии на исследуемую прозу, с одной стороны, и показать своеобразие и индивидуальность этой прозы – с другой.

Творчество Лермонтова представляет собой художественное явление, включающее в себя лирику, поэмы, драматургию и прозу. Создание прозаических произведений приходится на период 1831-1841 гг., время интенсивного процесса жанро- и стилеобразования в русской литературе, и проходит четыре этапа: поздний романтический (роман «Вадим»), становление социально-реалистической прозы («Княгиня Лиговская»), период создания произведений наджанрового стилевого характера («Герой нашего времени»), формирование новой литературной парадигмы («Штосс», «Кавказец»).

Стиль прозы Лермонтова отличается разнообразием форм, прежде всего проявляющихся в организации субъектосферы повествования, отношений *автор – повествователь/рассказчик – герой – читатель*, формирующих феномен *лермонтовского человека*² и художественный тип *героя времени*³. В прозе Лермонтова закладываются основания для развития эпических жанров, объединяющих черты разных форм произведений отмеченного родового спектра – очерка, рассказа, новеллы, повести, романа. Романы «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени» находятся у истоков русского классического романа. Язык прозы Лермонтова отразил все основные регистры русской художественной речи – социальной, психологической, философской, бытовой сфер. Словесно-образная структура лермонтовской прозы характеризуется точностью и богатством применяемых изобразительно-выразительных средств.

Восприятие и изучение прозы Лермонтова в середине – второй половине XIX в. отличалось своеобразием благодаря историко-литературному обстоятельству: знакомство читательской аудитории и литературных критиков с прозаическими текстами писателя не совпадает со временем их написания, исключая роман «Герой нашего времени» – единственное крупное произведение, опубликованное при жизни автора.

Проза Лермонтова создавалась в следующей последовательности:

- неоконченный роман «Вадим» (вторая половина 1831-1834);
- ученическая работа «Панорама Москвы» (1834) В собраниях сочинений Лермонтова обычно выносится в рубрику «Приложения» как нехудожественное произведение, с чем можно согласиться, хотя и с некоторыми оговорками. Ученический и прикладной характер работы не препятствует осознанию того факта, что «Панорама Москвы» является самостоятельным и законченным прозаическим произведением в силу его

² Максимов Д. Поэзия Лермонтова / Отв. ред. Г.М. Фридендер. 2 изд. М.-Л., 1964.

³ Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова / Отв. ред. С.А. Андреев-Кривич. М., 1957.

художественности, языка и слога, следования прозаической традиции (Н.М. Карамзин, В. Гюго);

- неоконченный роман «Княгиня Лиговская» (1836-1838). В собраниях сочинений помещается перед произведениями 1837-го года в силу более раннего начала работы над этим романом;

- набросок «Я хочу рассказать вам...» (1837). Относится публикаторами к корпусу прозаических текстов, является попыткой начала предполагавшегося большого художественного произведения биографического характера. Помещение наброска после романа «Княгиня Лиговская» обуславливается гипотетичностью датировки, а также соображением о творческом поиске автором формы романа;

- сказка «Ашик-Кериб» (1837) не вызывает сомнений относительно времени написания и в собраниях сочинений правомерно помещается непосредственно перед романом «Герой нашего времени», поскольку начало работы над романом приходится хронологически до записи/написания сказки (ноябрь 1837);

- роман «Герой нашего времени» (обычно датируется 1838-1840, более точные временные рамки – 1837-1841. При датировке романа учитываются факты интенсивной работы над будущим романом в 1837 г. и создания авторского предисловия ко второму изданию романа). Для большинства современников роман являлся единственным известным им прозаическим произведением Лермонтова;

- очерк «Кавказец» (1841) представляет собой «отклик» на устанавливающийся промежуточный между публицистикой и художественной литературой жанр физиологического очерка;

- повесть «Штосс» завершает прозаическое творчество Лермонтова (1841).

Время выхода прозаических произведений Лермонтова в печати существенно отличалось от времени их создания. Публикации осуществлялись в следующем порядке:

- роман «Герой нашего времени» напечатан в апреле 1840 г., второе прижизненное издание – в мае 1841 г.;

- отрывок романа-исповеди «Я хочу рассказать вам» и повесть «Штосс» («У графа В... был музыкальный вечер» – редакторское название) были опубликованы в сборнике «Вчера и сегодня» в 1845 г. Современникам произведение было отчасти известно, около 25 человек: около 25 человек присутствовали при чтении текста самим Лермонтовым приблизительно в конце марта – начале апреля 1841 г.⁴;

- в 1846 г. в сборнике «Вчера и сегодня» была опубликована авторизованная запись сказки «Ашик-Кериб»⁵;

- тексты неоконченных романов «Вадим» (редакторское название)⁶ и «Княгиня Лиговская»⁷ были опубликованы в журнале «Вестник Европы» в 1873 и 1882 гг. соответственно;

- текст-очерк ученического сочинения «Панорама Москвы» напечатан в 1891 г.⁸;

- очерк «Кавказец»⁹ был напечатан в 1929 г. в журнале «Минувшие дни», публикация Н.О. Лернера.

Степень изученности проблемы. В изучении прозаических текстов Лермонтова исторически сложились две перспективы: взгляд, доступный исследователям XIX в., особенностью которого было постепенное знакомство с прозаическими произведениями писателя, и взгляд исследователей XX-XXI вв., опирающихся на полный объем прозы Лермонтова. Так, критике XIX в. были незнакомы тексты ученического сочинения «Панорама Москвы» и очерка «Кавказец», таким образом, изучение прозы Лермонтова в то время в динамике ее осуществления было невозможно. Дополнительным фактором,

⁴ Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В.А. Соллогубом, изданный А. Смирдиным. СПб. Кн. I, 1845.

⁵ Там же, 1846.

⁶ «Вестник Европы». 1873. Кн. 10. С. 458-557.

⁷ «Русский вестник». Т. 157, 1882, январь. С. 129-181.

⁸ Лермонтов М.Ю. Сочинения: Первое полное издание В.Ф. Рихтера / Под ред. П.А. Висковатова. М., 1891. Т. 5. Проза (1828-1841). С.415-418.

⁹ Минувшие дни. Сост. Н.О. Лернер. 1929. № 4. С.22-24.

ограничившим возможности критики XIX в., явилась поздняя публикация романов «Вадим» и «Княгиня Лиговская».

Проза Лермонтова традиционно изучается в трех ведущих направлениях: историко-хронологическом; с позиций стиля и поэтики; интерпретационном, т.е. с позиции идеи и смысла. В основу изучения при этом кладется историко-хронологический подход, и в связи с большим временным интервалом публикации основных прозаических произведений при исследовании возникают трудности в определении вопросов преемственности и эволюции стиля, мотивно-тематического и идейного пространства прозы писателя.

В поле исследовательского внимания с момента его выхода в 1840 г. и по настоящее время постоянно находится лишь роман «Герой нашего времени». Роман оказался неожиданным явлением для большинства представителей литературной среды времени и для многих остался единственным известным им прозаическим произведением Лермонтова. Первыми критическими отзывами и разборами явились статьи В.Г. Белинского и С.П. Шевырева, считающиеся началом традиции исследования прозы Лермонтова. Шевырев в статье «Герой нашего времени» выступал с позиций славянофильских убеждений и отрицательно отзывался о нравственном облике героя. Позиция Белинского относительно Печорина в статье «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова» была ориентирована не столько на осуждение романа, сколько на его понимание.

В 1840-50-е гг. критические суждения о Печорине и самом романе включались в широкий контекст связей произведения с социально-исторической и духовной проблематикой времени. В.Т. Плаксин, возможно, знакомый с ранним творчеством Лермонтова в период его обучения в юнкерской школе, а значит, предположительно, с набросками романа «Вадим» (если это можно подтвердить, что почти невероятно, то Плаксин окажется первым критиком, имевшим представление о ранней прозе Лермонтова) требовал от образа Печорина проявления не дурной природы, а высокой, цельной личности, и не находил в романе основной позитивной

идеи. А.И. Герцен в книге «О развитии революционных идей России» связывал протестные настроения Лермонтова с состоянием своего поколения в борьбе с «чудовищем, называемом Россией». В позиции Плаксина была еще одна грань: попытки осознать образ героя романа и его связи с миром рассматривались также во многом в ракурсе ангельско-демонских сущностей.

В середине XIX в. благодаря Ап. Григорьеву наметилась тенденция к духовной трактовке романа, объединенная с почвенническими идеями, она способствовала национальному христианскому пониманию всего творчества Лермонтова и преемственной связи с ним творчества Достоевского.

Изучение всех прозаических произведений Лермонтова, за исключением очерка «Кавказец», стало возможным с изданием первого полного собрания сочинений под редакцией П.А. Висковатова (1891). Это впервые позволило наблюдать прозу Лермонтова как единый художественный феномен, что открывало возможность устанавливать мотивно-тематические, идейно-стилевые связи между произведениями, подтверждаемые комментариями, предваряющими тексты. Роман «Вадим», получивший редакторское название «Горбач-Вадим. Эпизод Пугачевского бунта. Юношеская повесть», предваряется комментарием о том, что Лермонтов «постепенно высвобождает свой художественный талант от оков, наложенных субъективным чувством». Предисловие к роману «Княгиня Лиговская» также говорит о намерении связать ранние и поздние произведения автора: роман «составляет переход от юношеского творчества Лермонтова к более зрелым произведениям. В романе еще много автобиографического <...> впервые встает перед нами образ Печорина, еще очень неясный <...> поэт стоит на рубеже нового фазиса развития». Этот комментарий сопоставим с первым откликом П.А. Висковатова на роман «Княгиня Лиговская»¹⁰. Приведенные примеры позволяют судить о начальных попытках представить прозу Лермонтова как связный литературный процесс. Так, уже в предисловии к первой публикации «Вадима» («Вестник Европы», 1873, кн. 10) роман определяется как «образчик

¹⁰ Висковатов П.А. По поводу «Княгини Лиговской», впервые изданного произведения Лермонтова // «Русский Вестник». Т. 158. 1882, март. С. 333-350.

внутреннего развития в первых работах писателя». Таким образом, включение ранней прозы в исследовательское поле творчества Лермонтова происходит сразу после ее публикации, однако более широкое осмысление, не ограниченное одним романом «Герой нашего времени», потребовало существенного времени.

Важной вехой стал столетний юбилей писателя (1914). К этому времени относится начало формирования академического направления в литературоведении. В сборник «Венок Лермонтову»¹¹ вошла статья В.М. Фишера «Поэтика Лермонтова», утверждавшая необходимость изучать прозу Лермонтова в единстве ее событийных, конструктивных и смысловых аспектов, а также ставившая проблему соотношения жанрово-родовых форм у Лермонтова, в частности драмы и романа. Проблемы, выдвинутые Фишером, предполагали анализ текстов Лермонтова во всей возможной полноте. С.И. Родзевич¹² обратился к теме влияния В. Гюго («Бюг-Жаргаль», «Собор Парижской Богоматери») на прозу Лермонтова, обратил тем самым внимание на мотивно-образные связи раннего и зрелого периодов творчества.

В 1920 – 40-х гг. среди работ, так или иначе касающихся прозы Лермонтова, выделяются, прежде всего, исследования Б.М. Эйхенбаума и В.В. Виноградова. В монографии «Опыт историко-литературной оценки»¹³ Эйхенбаум рассматривает прозу Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени») в последовательности развития форм повествования, обращается к проблемам жанра прозы Лермонтова, переходе от исторического романа к светскому, от *сплошного* романа к произведению сложной композиции в форме путевых записей, организующей роли мотивировок. В 1961 г. выходит сборник Б.М. Эйхенбаума «Статьи о Лермонтове»¹⁴, в котором исследователь обобщает свои наблюдения предыдущих лет и уделяет больше внимания вопросам идейно-смысловой стороны прозаического творчества Лермонтова.

¹¹ Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сб. П., 1914.

¹² Родзевич С.И. Лермонтов как романист. Киев, 1914.

¹³ Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.

¹⁴ Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове / АН СССР. ИРЛИ. М.-Л., 1961.

В.В. Виноградов в статье «Стиль прозы Лермонтова»¹⁵ – первом в лермонтоведении системном анализе вопроса, вынесенного в название исследования, обратился к романам «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени». В фокусе внимания статьи оказался процесс формирования языка русской прозы, связь стиля романа «Вадим» с романтической традицией и стилистикой «неистовой» школы французской литературы; затем изменение соотношения романтических и новых стилевых черт под влиянием реализма в его начальной социально-психологической версии в романе «Княгиня Лиговская»; и, наконец, их соединение в произведении особого жанрово-стилевого качества – «Герой нашего времени». В.В. Виноградов последовательно описывает эволюцию художественного языка в прозе Лермонтова и применение средств художественной выразительности, стилистического потенциала в диапазоне различных регистров повествования в зависимости от социальной среды произведения, внешней и внутренней характеристики персонажей, их речевых и психологических портретов. В статье также комментируются особенности прозы Лермонтова в связи с творчеством Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.А. Бестужева-Марлинского. Многосторонний и глубокий анализ поэтики прозаических произведений Лермонтова стал образцом для последующих исследований и обозначил необходимость сбалансировать интерес к форме с идейно-смысловой стороной замысла писателя.

Эту задачу, как представляется, должна была выполнить монография Е.Н. Михайловой¹⁶ «Проза Лермонтова». В ней подробно описывается историческая эпоха, в которую творил Лермонтов, культурная и литературная обстановка 1820 – 30-х гг., революционная атмосфера эпохи. Михайлова посвящает свое исследование представлению трех романов Лермонтова, анализу сюжетов, эволюции центральных образов как процессу формирования типа героя времени, системе персонажей и отдельным характеристикам,

¹⁵ Виноградов В.В. Стиль прозы Лермонтова // Лит. наследство; Т. 43-44. Кн. I. М.-Л., 1941. С. 517–628.

¹⁶ Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова / Отв. ред. С.А. Андреев-Кривич. М., 1957.

пейзажному дискурсу, речевым, описательным текстовым структурам. Работа Михайловой явилась обширным и глубоким исследованием прозы Лермонтова.

Монографические исследования 1820 – 50-х гг. Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, Е.Н. Михайловой выполнили свое назначение как этапные явления в развитии академического лермонтоведения, тем не менее, они были обращены на основной, но неполный корпус лермонтовских произведений, что ограничивало возможности осмысления творчества писателя. Отмеченная неполнота компенсировалась в ряде работ, таких как: «Герой нашего времени» С.Н. Дурылина (1940)¹⁷; «Язык прозы М.Ю. Лермонтова» Л.Б. Перльмуттера (1941)¹⁸; «Роман “Вадим” Лермонтова» А.М. Докусова (1947)¹⁹; «Философский роман Лермонтова» И.И. Виноградова (1964)²⁰; «Герой нашего времени» Э.Г. Герштейн (1976)²¹; «Герой нашего времени» Б.Т. Удодова (1989)²²; «Смысл романа М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» Г.В. Москвина (2007)²³. Названные монографии опираются на опыт изучения романа «Герой нашего времени» и развивают его с учетом знания полного состава прозы Лермонтова в историческом и бытовом контекстах, историко-литературного пространства, тематической и образной структуры, мировоззренческих и духовных смыслов.

Повесть «Штосс» привлекала довольно широкое внимание исследователей в силу, прежде всего, ее художественных достоинств, а также круга вопросов, связанных с историей ее создания, образной и мотивной структурой, идейным потенциалом и, главное, с проблемой ее завершенности, с которой во многом связано возможно полное понимание «Штосса»²⁴. Изучение прозаических произведений Лермонтова разных жанров имеет несопоставимую по времени и полноте с первыми публикациями романа

¹⁷ Дурылин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Пособие к изучению романа. М., 1940.

¹⁸ Перльмуттер Л.Б. Язык прозы М.Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М., 1941. С. 310-355.

¹⁹ Докусов А.М. Роман «Вадим» Лермонтова // Ученые записки Ленинградского пед. института им. А.И. Герцена. Т. 43. 1947.

²⁰ Виноградов И.И. Философский роман Лермонтова // Новый мир, 1964. № 10.

²¹ Герштейн Э.Г. Герой нашего времени. М., 1976.

²² Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989.

²³ Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 2007.

²⁴ См. работы: Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова // О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008; Найдич Э.Э. Штосс // Этюды о Лермонтове. СПб, 1994; Найдич Э.Э. Еще раз о «Штоссе» // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С.194-212. и другие.

«Герой нашего времени» (1840, 1841) историю в связи, прежде всего, с их более поздним вхождением в читательский и исследовательский обиход, а также с долгим осознанием того факта, что они представляют полноценное и интегральное явление всего состава прозы. При обращении к этим произведениям основная сложность заключалась в определении подхода к ним то ли как к отдельным текстам, своего рода *приложениям* к основному корпусу прозы, то ли как к единому тексту, формирующемуся в общем процессе создания прозы.

Так, сказка «Ашик-Кериб» традиционно рассматривается в двух аспектах: художественный статус в составе прозы Лермонтова и ее этнокультурная, фольклорная основа. Этим вопросам посвящены работы М.К. Азадовского²⁵, С.А. Андреева-Кривича²⁶, И.Л. Андроникова²⁷ и других ученых. Заметно меньше обсуждался вопрос о фольклорной основе сказки, степени ее литературной оригинальности и авторства писателя, а также правомерности включения фольклорной сказки в перечень прозаических произведений Лермонтова. Аргументом, подтверждающим справедливость определения статуса сказки «Ашик-Кериб» как составляющей части прозы писателя, может служить адаптация фольклорного текста в «Герое нашего времени» и влияние сказки на мотив поражения любви в зрелом периоде творчества²⁸.

Отрывок «Я хочу рассказать вам...» получил в лермонтоведении меньшее внимание, чем заслуживает, хотя его роль в разработке жанровых решений, а также в мотивных и образных перекличках с романами «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени» и повестью «Штосс» значительна. Основные вопросы, возникающие при упоминании отрывка, касаются датировки произведения, биографии автора и характера автобиографизма (Б.Т. Томашевский²⁹,

²⁵ Азадовский М.К. Комментарий к «Ашик-Керибу» // Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван, 1974. С. 448-454.

²⁶ Андреев-Кривич С.А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1946.

²⁷ Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1977.

²⁸ Москвин Г.В. Ашик_Кериб // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М., 2014. С. 41-42.

²⁹ Томашевский Б.Т. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // АН СССР. Ин-т рус. лит. (Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове СССР. ИРЛИ. М.-Л., 1961. Пушкин. Дом). Лит. наследство; Т. 43-44. Кн. I. М., 1941. С. 469-516.

Б.М. Эйхенбаум³⁰, И.Л. Андроников³¹ и др.). Более того, анализ текста отрывка «Я хочу рассказать вам...» позволит судить о творческом поиске Лермонтова на этапе работы над романом «Княгиня Лиговская» и выборе ракурса повествования в романе «Герой нашего времени».

При изучении повести «Штосс» источники ее сюжета и мотивов обнаруживались как в предшествующем прозаическом творчестве Лермонтова, так и в русской литературе – в произведениях А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Наиболее тщательным исследованием повести явилась статья В.Э. Вацура «Последняя повесть Лермонтова»³², в которой описываются обстоятельства возникновения произведения, историко-литературный контекст его создания, рассматриваются идейно-художественные аспекты повести. Статьи Э.Э. Найдича «Еще раз о Штоссе»³³ и В.Ш. Кривоноса³⁴ «“Штосс” М.Ю. Лермонтова: обрыв текста или обрыв сюжета» были посвящены проблемам жанра, завершенности и цельности сюжета. Вопросы о месте и роли «Штосса» в составе всей прозы Лермонтова в должной мере не рассматривались, хотя для этого имеются серьезные основания, главным из которых является тот факт, что текст повести в своей основе представляет реминисценции текстов предыдущих произведений писателя³⁵.

Очерк «Кавказец», написанный в одно время со «Штоссом», впервые опубликован в 1929 г.; начиная с 1930-х гг. он включался в раздел прозы собраний сочинений Лермонтова. Это обстоятельство обусловило позднее обращение к нему в исследовательской литературе. Исходно текст был предназначен для сборника А.П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» и был даже анонсирован, что определило квалификацию жанра «Кавказца» как физиологического очерка. Наиболее авторитетным

³⁰ (Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове СССР. ИРЛИ. М.-Л, 1961.

³¹ Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1977.

³² Вацура В.Э. Последняя повесть Лермонтова // О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008.

³³ Найдич Э.Э. Еще раз о «Штоссе» // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С.194-212.

³⁴ Кривонос В.Ш. «"Штосс" М.Ю. Лермонтова: обрыв текста или обрыв сюжета?» // Новый филологический вестник. 2010. Т. 15. № 4. С. 102-110.

³⁵ См. например: Видяева Н.Н. Повесть «Штосс» в контексте творчества М.Ю. Лермонтова: автореферат дис.....кандидата филологических наук: 10.01.01 / Псков. гос. пед. ин-т им. С.М. Кирова. Псков, 2005.

исследованием очерка является статья И.С. Юхновой³⁶ «Очерк “Кавказец” в контексте творчества М.Ю. Лермонтова», в которой собраны все основные вопросы по его анализу: доступная история создания, определение темы и своеобразия ее трактовки, традиция изучения произведения (С.Н. Дурылин, В.А. Мануйлов, И.Л. Адроников, Э.Г. Герштейн, В.А. Кошелев, С.И. Кормилов), творческая *этимология* образа героя, повествовательная стратегия. Исследователь обозначила цель статьи как представление очерка «Кавказец» в контексте творчества Лермонтова, главным образом, в сопоставлении с кавказской лирикой («Сон», «Валерик», «Завещание») и романом «Герой нашего времени». Особое внимание уделено корреляции образов «настоящего кавказца» и Максима Максимыча.

Ученическое сочинение Лермонтова «Панорама Москвы», помещаемое обычно в разделе «Приложения», также получило определенное исследовательское внимание. Сочинение обычно рассматривалось в рамках методической задачи, которую ставил перед учащимися преподаватель словесности В.Т. Плаксин: обучение правилам и приемам историко-культурных обзоров, выполнения зарисовок местности и ландшафта, описания массовых сцен, выбора интонации повествования. Традиционно отмечается, что Лермонтов ориентируется на литературную технику Н.М. Карамзина и вместе с тем использует разные стилевые регистры повествования³⁷. Базовым для изучения «Панорамы Москвы» явился комментарий к тексту Э. Найдича³⁸.

Среди исследований конца XX – начала XXI вв. выделяются работы Б.Т. Удодова, в которых развиваются идеи монографии «М.Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы» (1973), касающиеся романа «Герой нашего времени», повести «Штосс», очерка «Кавказец», диалогического монологизма образно-смысловых структур текста Лермонтова; В.М. Марковича, автора ряда концептуальных статей,

³⁶ Юхнова И.С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М.Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (дата обращения: 03.11.2020).

³⁷ Алтаева Т.А. Панорама Москвы // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М., 2014. С. 359-361.

³⁸ Найдич Э.Э. Комментарий // Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. М.-Л., 1957. Т. 6. С. 671-673.

определивших подход к изучению прозы М.Ю. Лермонтова на современном этапе: «О трансформациях “натуральной” новеллы и двух “реализмах” в русской литературе XIX в.» (1993), «О значении незавершенности в прозе Лермонтова» (1997), «Миф о Лермонтове на рубеже XIX–XX веков» (1997), «О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» (2008); А.И. Журавлевой, раскрывшей в фундаментальной монографии «Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики» (2002) значение творчества Лермонтова в русской литературе и заложившей основы современного изучения прозы Лермонтова в ряде работ: «Путь к герою времени: лирика, драма, роман» (1989), «Печорин и печоринство в 1840-1850-е гг. Жизнь литературного образа в истории» (1991), «Поэтическая проза Лермонтова» (1974)³⁹, «Гамлетовский элемент в “Герое нашего времени”» (1994); «Сопряжение реальности с тайной в прозе Лермонтова» (1995), «Пушкин-Шевырев-Лермонтов» (1996), «Новое мифотворчество и литературоцентристская эпоха русской культуры» (2001); В.А. Недзвецкого «“Герой нашего времени”: становление жанра и смысла» (1997); В.А. Кошелева «М.Ю. Лермонтов. Историческая мифология» (2014).

В современное изучение значимых аспектов творчества Лермонтова вносят вклад С.В. Савинков монографией «Творческая логика Лермонтова» (2004), статьей о мифо-поэтической структуре «Тамани» «Ещё раз о лермонтовской “Тамани” (загадки слепого мальчика)» (1994), статьей «Печорин как герой времени» (2014); И.А. Киселева монографией «Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система» (2011); И.С. Юхнова монографией «Проблема общения и поэтика диалога в прозе М.Ю. Лермонтова» (2011), статьями «Двоемирие в “Штоссе” М.Ю. Лермонтова» (2001), «Усадьба в творчестве Лермонтова» (2016), «Очерк “Кавказец” в контексте творчества М.Ю. Лермонтова» (2015); Л.А. Ходанен

³⁹ О вкладе А.И. Журавлевой в литературоведение см. Памяти Анны Ивановны Журавлевой [Текст]: сборник статей / [сост. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская]. М., 2012.

монографией «Поэтическая мифология снов в творчестве М.Ю. Лермонтова» (2015).

Представленная история изучения прозы Лермонтова позволяет сделать следующие выводы: на протяжении большей части XIX в. критические и академические работы были обращены к отдельным текстам писателя; в XX-XXI вв. проходил процесс их собирания в единый комплекс, прозаическое наследие Лермонтова изучалось глубоко и разносторонне, в единстве историко-литературного подхода, формальных и идейно-смысловых аспектов.

Тем не менее, следует отметить тот факт, что, несмотря на огромный опыт изучения, в лермонтоведении не существует работы, в которой проза Лермонтова исследовалась бы в полном объеме не только в последовательном хронологическом порядке ее представления, но и в динамике ее развития как едином непрерывном процессе.

Последнее обстоятельство определило тему настоящего исследования – «Динамика прозы М.Ю. Лермонтова: генезис, стиль, идея» – призванного компенсировать неполноту представления названного литературного явления.

Объектом исследования выступили художественные прозаические произведения Лермонтова, прозаические тексты иной жанрово-стилевой природы (очерк, ученическая работа, автобиографические заметки, эпистолярный, тексты планов, замыслов, набросков) и соотнесенные с ними тексты русской и мировой литературы.

Предмет исследования составляют жанрово-стилевые и идейные аспекты прозы в составе всего творчества Лермонтова и вопросы их изучения в контексте русской и мировой литературы.

Актуальность работы определяется необходимостью развивать опыт изучения творчества Лермонтова как целостного и непрерывного творческого процесса на современном этапе лермонтоведения, рассматривать тексты Лермонтова в динамике их развития, разрабатывать новые исследовательские методики.

Новизна настоящей работы состоит в том, что в ней впервые представляется системный анализ четырех периодов прозаических произведений Лермонтова в полном составе во взаимосвязи прозаического, поэтического (лирика и поэмы) и драматургического творчества художника.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается полным объемом исследуемых прозаических текстов М.Ю. Лермонтова, использованием большого количества источников и различных методов исследования, логикой и точностью представления результатов исследования.

Цель настоящей работы – представить четыре периода прозы Лермонтова как последовательный и целостный творческий процесс в динамике развития его мировоззренческого и жанрово-стилевого содержания.

В настоящей работе ставятся следующие **задачи**:

- установить соотношение этапов развития прозы Лермонтова с периодами всего его творчества;
- проанализировать прозаическое творчество Лермонтова как единый и последовательный жанрово-стилевой процесс;
- представить литературные источники произведений Лермонтова в русской и зарубежной литературе на всех этапах создания прозы;
- проанализировать формирование индивидуальной писательской манеры Лермонтова-прозаика на раннем этапе творчества (1831-1832 гг.), становление на втором этапе творчества (1833-1836 гг.), развития на зрелом и позднем этапах (1837-1841 гг.);
- проанализировать жанрово-стилевую эволюцию прозы в контексте всего творчества Лермонтова;
- проанализировать своеобразие романтизма и реализма в прозе Лермонтова, аргументировать последовательность проявления стиливых принципов: романтическая проза, автобиографическая проза, духовная проза (мы имеем в виду не терминологическое значение, а сочетание бытового и духовного сюжетов), экзистенциальная проза.

Комплексный характер работы определяет **методологическую базу исследования**: в зависимости от аспектов рассмотрения темы применяются историко-литературный, биографический, сопоставительный, герменевтический, текстологический методы. Избранный методологический ракурс исследования способствует выполнению задач по определению источниковой базы, анализа жанрово-стилевого развития прозы Лермонтова и ее идейной интерпретации. В отдельных частях работы по мере необходимости используется текстологический метод для определения текста, опорного для анализа, и герменевтический метод, применяемый для рецепции содержания и установления смысла текстов.

В работе автор опирается на исследования Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, С.Н. Дурылина, Е.Н. Михайловой, В.А. Мануйлова, И.Л. Андроникова, Л.Я. Гинзбург, Э.Г. Герштейн, Б.Т. Удодова, В.Н. Турбина, Б.В. Томашевского, А.И. Журавлевой, В.Э. Вацуро, В.М. Марковича, С.В.Савинкова, И.С. Юхновой.

Теоретическая значимость работы заключается в описании всего корпуса текстов художественной прозы М.Ю. Лермонтова с творческими заметками планов, набросков, сюжетов и эпистолярного наследия; в представлении жанрово-стилевых, родовых и идейных аспектов творчества Лермонтова в процессе создания прозы.

Практическая значимость работы состоит в использовании ее результатов для разработки методики теоретических исследований по творчеству Лермонтова, формирования базовых положений постижения художественного аспекта текстов Лермонтова, определения тем и направлений дальнейших исследований частного и концептуального характера. Результаты диссертационного исследования могут применяться для составления лекционных курсов по русской литературе первой половины XIX в., проведения спецкурсов и семинаров по творчеству Лермонтова, создания учебно-методических материалов: учебников, учебных пособий, методических разработок; включаться в лекционный дискурс русской литературы XVIII –

XIX вв.; использоваться для организации мероприятий широкого спектра просветительской деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В прозе Лермонтова выделяются 4 периода: роман «Вадим» (1831-1834); роман «Княгиня Лиговская» (1836-1838); роман «Герой нашего времени» (май 1837 – февраль 1841); очерк «Кавказец», повесть «Штосс» (март – апрель 1841). В центре каждого из них находится знаковое для идейно-стилевого развития его прозы произведение. Неполное совпадение периодов прозы с периодизацией всего творчества Лермонтова обуславливает особую роль в нем прозаических произведений. Роман «Вадим» выполняет художественную функцию итога раннего творчества (лирика, поэмы, драмы) и определяет характер второго периода. Роман «Княгиня Лиговская» завершает период автобиографического творчества и намечает переход к идейно-стилевому содержанию третьего периода. Создание романа «Герой нашего времени» осуществляется в полном единстве с лирикой и поэмами третьего, зрелого периода творчества. Поздние произведения («Кавказец» и «Штосс») являют поиск Лермонтовым художественных форм для выражения своих идей в условиях изменения стилевой парадигмы в русской литературе 1840-х гг.

2. Творчество Лермонтова 1833-1837 гг. имеет личные биографические источники и основано на автобиографизме как стилевом принципе. Каждое произведение периода последовательно подготавливает поэтику и идейный пафос романа «Княгиня Лиговская». Ориентирование на западноевропейскую литературу и обращение к современной русской литературе показывают стремление Лермонтова, помимо выработки индивидуального стиля, найти релевантные формы и средства выражения проблематики, образующей ранний период творчества, найти художественные решения проблем, приведших к остановке работы над вторым романом.

3. Запись сказки «Ашик-Кериб» в ноябре 1837 г. ознаменовала фактическое начало создания романа «Герой нашего времени» и изменение литературного статуса черновых текстов, написанных в первый год ссылки

(1837 г.), из отдельных произведений в части художественного целого. Выбор Лермонтовым восточного дастана аргументируется потребностью разрешить проблему поражения любви и измены. В творчестве Лермонтова начинает определяться четкий принцип: в основе любого повествования о любви лежит ясное представление об идеале, что позволяет художнику упорядочить частные, поверхностные, случайные любовные ситуации. Любовь как сущность освобождается от психологических, личностных, драматических наслоений, модифицирующих ее суть. Сказка «Ашик-Кериб» разделила прозу Лермонтова на два периода: 1831-1837 гг. и 1837-1841 гг. – в первом мотив измены организовывал сюжетную ситуацию и определял драматический исход, во втором – названный мотив исчезает, и причины поражения любви разыскиваются на уровнях самопознания героя, нравственно-философской и духовной проблематики.

4. Изменения в прозе Лермонтова зрелого периода имели 3 следствия: содержание организующего сюжет любовного конфликта имеет концептуальные нравственно-философские, духовные основания («Бэла», «Княжна Мери»); автобиографизм как стилевая доминанта исчезает, биографическое проявляется в форме сюжетной рефлексии; любое повествование о любви не носит личного характера.

5. В зрелой прозе Лермонтова последовательно осуществляется художественный принцип, проявившийся в идейной структуре и архитектонике романа «Герой нашего времени»: сюжет каждой повести романа имеет в основе духовную ситуацию, соотносящуюся с библейскими текстами. Таким образом создается эффект насыщения бытового, авантюрного, психологического, социального содержания повестей духовными, нравственно-философскими смыслами, благодаря чему возникает стилевое качество уникальной эстетической ценности.

6. В прозе Лермонтова наблюдается последовательная и неуклонная тенденция отделения героя от автора. Осуществлению указанной тенденции способствует феномен *лермонтовского человека*, выполняющий

две противоположные по назначению функции: сближения автора и героя как явления общей природы и выделения героя как независимой и суверенной сущности. Этот процесс проходит по-разному: в «Вадиме» неразличимость автора и героя вызывает потребность представить их как отдельные личности; в «Княгине Лиговской» как автобиографическом в своей основе произведении возникает необходимость в придании герою самостоятельности в решениях и поступках. Текст романа «Герой нашего времени» организован четырьмя повествователями, трое из которых являются героями и участниками событий, а четвертым выступает автор; роман написан от 1-го лица – обстоятельство, обеспечивающее суверенность личностей героев-повествователей. В повести «Штосс» поведение героя полностью не зависит от автора.

В любом нарративном дискурсе отвлечение автора от себя как *демиурга* текста требует проникновения во внутренний мир героев, ведущего к возникновению художественного феномена психологизма, создателем которого в русской литературе явился Лермонтов.

7. Лермонтов в прозе обращается к стилевому явлению, возникшему в русской литературе на рубеже XVIII – XIX вв., – экзистенциальной литературе, формировавшейся в элегической лирике, в эстетике романтизма, в произведениях Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя. Экзистенциальная литература отразила процесс гуманизации общества, выделения человека и его существования как особо значимых категорий общего бытия, что привело в европейской культуре к появлению антропоцентрических философских систем и соответствующих эстетических практик.

Экзистенциальная проблематика зрелой прозы Лермонтова обнаруживается в трех сферах интеллектуальной рефлексии. Потребность в обретении веры как экзистенциального условия обретения цельности личности является смысловым фокусом повести «Героя нашего времени» – «Фаталист». Следующий круг экзистенциальных проблем связан с содержанием жизни человека. Наиболее полно они отражены в повести

«Княжна Мери», смысл которой заключается в стремлении героя обрести подлинное существование, возможное только в любви и душевном общении. Третья грань вопроса экзистенции человека состоит в его адаптации к условиям жизни, в широком смысле указанная проблема присутствует во всей прозе писателя, однако в поздних произведениях – повести «Штосс» и очерке «Кавказец» – проблема адаптации является в полной мере смыслообразующей. Таким образом, роман «Герой нашего времени», повесть «Штосс» и очерк «Кавказец» можно рассматривать с позиций экзистенциальных проблем эпохи.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были представлены и обсуждены на конференциях «Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований» (США, 2013-2018), «Русская литература и культура в европейской культуре» (Геттинген, Германия, 2015), «Семинар славянской филологии Геттингенского университета» (Геттинген, Германия, 2015), на отделении славянской филологии Геттингенского университета (Геттинген, Германия, 2016), «Идеи и образы М.Ю. Лермонтова в мировой и отечественной культуре» (Музей-заповедник М.Ю. Лермонтова «Тарханы», 2014), «К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова (Москва, РГБ, 2014), «М.Ю. Лермонтов в мировой культуре» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2014), «М.Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве» (Пятигорск, 2014), «Ломоносов и русская культура» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015), на научно-методологическом семинаре (Москва, МГОУ, 2015), «Лермонтовские чтения 2015» (Санкт-Петербург, Межрайонная централизованная библиотечная система им. М.Ю. Лермонтова, 2015, 2019), «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019, 2020), «XI Московские лермонтовские чтения» (Москва, 2019), «Всероссийский съезд учителей русской словесности» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019); использованы при чтении общего курса «История русской литературы XIX в.», и специальных курсов «Творчество М.Ю. Лермонтова. История изучения», «Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русской и мировой литературы»,

«Лермонтов: личность, автор, герой», «Проза М.Ю. Лермонтова», «Экзистенциальный тип героя времени последней четверти XIX в.», «Типология героя времени в русской литературе XIX в.», «Творчество М.Ю. Лермонтова: Ангел VS Демон», «Пушкин и Лермонтов», «Актуальные вопросы преподавания русского языка и культуры в аудитории колледжей и университетов США», «Русская классическая литература на уроке русского языка в американской аудитории (2014)» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура работы обусловлена поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации составил 495 страниц. Количество томов диссертации – 2.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении приводится описание темы диссертации, постулируется место прозы в составе всего творчества Лермонтова, указываются основные аспекты темы, вызывающие исследовательский интерес, рассматривается состав прозаических текстов Лермонтова в последовательности их написания и публикации, отмечается неполное совпадение границ прозаических периодов с традиционной периодизацией творчества Лермонтова. Тексты прозы Лермонтова выполняют организующую роль в составе всего творчества. Роман «Вадим» выполняет функцию итога и обобщения содержания раннего периода творчества (1831-1832) и открывает второй период (1832-1834). «Княгиня Лиговская» завершает поиск Лермонтовым своего стиля (1836) и связывает всю раннюю прозу со зрелым творчеством (1836-1838). Роман «Герой нашего времени» в полной мере представляет зрелый период и совпадает с ним (1837-1841). Четвертый период прозы приходится на завершение зрелого творчества и представлен повестью «Штосс» и очерком «Кавказец», отмечающим формирование новой парадигмы в русской литературе. Также во введении рассматривается история изучения прозы Лермонтова. В обзоре учитывается расширение исследовательского интереса по мере включения в научный обиход прозаических текстов Лермонтова. В обзор включены статьи В.Г. Белинского, С.П. Шевырева, Ап. Григорьева, В.Т. Плаксина, В.М. Фишера, монографии

С.И. Родзевича, Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, Е.Н. Михайловой, статьи В.Ф. Асмуса, И.И. Виноградова, А.И. Журавлевой, И.С. Юхновой, С.В. Савинкова и др. Делается вывод о том, что творчество Лермонтова изучалось всесторонне и глубоко, однако пока нет исследования, в котором прозаическое наследие Лермонтова изучалось бы в полном объеме и динамике осуществления.

Глава I. «Генезис прозы М.Ю. Лермонтова. Романтическая проза М.Ю. Лермонтова: роман “Вадим” как художественное обобщение раннего периода творчества (1831 – 1834)».

В §1.1 «Феномен обращения Лермонтова к прозе» рассматриваются внутренние творческие и внешние факторы, создавшие предпосылки к работе над романом «Вадим». В раннем творчестве возникает потребность в слиянии жанрово-стилевых потоков лирики, поэмы, драмы и эпоса. Важнейшим следствием перехода к прозе явилось тематическое перераспределение содержания жанрового пространства, изменение конфигурации и характера бытования основных мотивов в различных формах их локализации, выражающих тему, но ей не тождественных. Обращение Лермонтова к прозе вызвано и требованиями времени, литературной ситуацией, влиянием иных художественных систем и опытов, творческим взаимодействием авторских текстов.

В §1.2 «Начало прозы Лермонтова» с опорой на эпистолярные факты приводятся и анализируются жизненные и творческие обстоятельства первых месяцев работы над романом «Вадим», свидетельствующие о творческом кризисе, душевном состоянии автора и обстановке лета 1832 г. Источником служит письмо Лермонтова к В.А. Лопухиной от 28 августа 1832 г., позволяющее понять изначальную суть романа, причину остановки в работе.

Окончание первого периода творчества приходится на время написания вышеуказанного письма, в котором Лермонтов говорит о своем произведении как безнадежном, но еще «живом», переживаемом.

В §1.3 «Принципы подхода к изучению романа “Вадим” в контексте раннего творчества Лермонтова (1828 – 1832)» формулируются базовые положения подхода к изучению романа, в основу которого кладется принцип анализа жанрово-стилевого взаимопроникновения (взаимодействия) произведений писателя. В работе определяется тот уровень поэтики, который позволяет представить творчество в наджанровой интерпретации, опираясь на систему содержательно-смысловых параметров и отношения между разными произведениями.

Изучение прозы в контексте творчества Лермонтова представляется особенно продуктивным, поскольку основные прозаические опыты («Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», «Штосс», «Кавказец», начатые соответственно в 1832, 1836, 1837, 1841) подытоживают периоды художественной деятельности Лермонтова и открывают новые.

В §1.4 «Ранняя лирика М.Ю. Лермонтова как источник поэтики романа “Вадим”» в основу исследования кладется положение о том, что «глубинные мотивировки, направляющие поведение “лермонтовского человека” <именно поведение героя, его личность, лицо и статус определяют содержание творчества Лермонтова – *Г.М.*> восходят к субъекту ранней лермонтовской лирики»⁴⁰.

Стихотворение «1831-го июня 11 дня» отмечает период самым значительным художественным событием которого становится начало прозы. Стихотворение представляет идейную основу романа «Вадим». В сравнительном анализе ранней лирики и романа «Вадим» определяются 4 идейно-художественных компонента, представляющие структуру содержания романа: пейзаж, в котором представлено начальное состояние мира; сюжетная основа произведения как событие (история Вадима, любовный конфликт, бунт); герой как субъект художественного бытия; характеристики героя как качество деятельности человека в мире.

⁴⁰ Роднянская И.Б. Лирический герой // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 258-262.

Соотнесение мотивных элементов лирики с сюжетными линиями романа производится в последовательности *личная история – бунт – любовный конфликт*. Личная история проявляется в стихотворениях 1831 г., бунт и любовный конфликт соединены композиционно в романе «Вадим».

В конце раздела формулируется тезис: нахождение соответствия образов, мотивов, идей в ранней лирике Лермонтова и тексте романа, безусловно, способствует осознанию их связи, однако речь идет не о традиционном разыскивании совпадений. Роман «Вадим» как *художественный организм* вырастает в лирической среде, его породившей.

В §1.5 «Ранние поэмы М.Ю. Лермонтова как источник сюжетного пространства романа “Вадим”» поэмы рассматриваются с позиций расширения тематики, образов, идей произведений в сравнении с лирикой, однако в единстве нарративного, событийного и лирико-философского, психологического контекстов. Для представления выбраны три особенно показательные для раннего периода типа поэм: *исторические, астральные и кавказские*, тематически обращенные соответственно к проблеме отношений эпического и романтического, человека и горного мира, качеств человека, изображенным в экзотической, но релевантной среде.

В §1.5.1 «“Вадим” в контексте ранних исторических поэм» анализируются поэмы «Олег», «Последний сын вольности», замысел поэмы о Мстиславе Черном, «Литвинка», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Обращение к исторической теме проявилось у Лермонтова в абрисе плана произведения о Мстиславе Черном, помещенном под № 16 в «Планах, набросках, сюжетах»⁴¹. Исследуется процесс выбора Лермонтовым исторического времени, в котором возможно согласовать эпический сюжет и героико-романтическую интерпретацию личности героя.

В §1.5.2 «“Вадим” и “астральные” поэмы Лермонтова, “Демон”» обнаруживаются общие признаки в организации любовного конфликта романа

⁴¹ Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. Т. VI. М.-Л., 1957.

«Вадим». В «астральных» поэмах Лермонтова («Азраил» и «Ангел смерти») и в 5-ти первых редакциях поэмы «Демон» участниками любовного конфликта являются бессмертный дух и смертная девушка. Этапы развития любовного конфликта в «Вадиме» последовательно соотносятся с конфликтом в отмеченных редакциях «Демона». Любовные ситуации в «Азраиле» и «Ангеле смерти» нюансируют проблематику любви в «Демоне» и «Вадиме».

В §1.5.3 «“Кавказские” ранние поэмы и “Вадим” (поиск героя)» рассматриваются ранние кавказские поэмы «Каллы», «Измаил Бей», «Аул Бастунжи», «Хаджи Абрек». Их анализ позволяет определить общие признаки: поэмы объединяет мотив мщения; качества героев обрисовывают круг достоинств, которыми в той или иной мере наделен Вадим. Художественной задачей Лермонтова было разыскание этих качеств героев кавказских поэм в национальной среде, в национальном характере; первым таким героем у Лермонтова стал Вадим. СобираТЕЛЬНЫЙ образ героинь кавказских поэм воплощает идеал возлюбленной поэта. Заслуга Лермонтова-художника состоит в стремлении создать национальный тип характера на основе традиции романтизма.

В §1.6 «Ранние драмы как источник проблематики романа “Вадим”» с позиций формирования идейного состава романа рассматриваются три юношеские драмы: «Испанцы» (1830), «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти») (1830) и «Странный человек» (1831). Также анализируется набросок драмы «Цыганы» (1829).

Ранние драмы Лермонтова послужили для его прозаического творчества, прежде всего романа «Вадим», источником положений и ситуаций, социальной среды, типов и характеров; художественной разработки любовного конфликта; идейной проблематики; потребности в перспективном, жизнеспособном герое.

Для драм «Люди и страсти» и «Странный человек» Лермонтов выбирает язык прозы и прозаический строй речи, и это решение по своему художественному значению совпадает с этапом интенсивного формирования языка прозы в русской литературе.

В §1.7 «Формирование изобразительной манеры в раннем творчестве М.Ю. Лермонтова на примере романа “Вадим”» показано, что применение приемов живописи отражает процесс формирования стиля Лермонтова-прозаика.

В «Вадиме» нашла отражение манера «“pittoresque” (живописность), выразившая протест против сухого аллегоризма описаний XVIII века, а с другой стороны и протест против фотографичности»⁴², создавая эффект картинности. В портретных характеристиках, при акцентировке положения героев в сценах Лермонтов обращается к читателю, останавливая движение повествования для создания словесных зарисовок и картин. Описаниям свойственна богатая цветовая гамма и «рембрандтовское» освещение, применяемые для манифестации основных идей произведения.

В §1.8 «Роман “Вадим” как обобщение раннего творчества Лермонтова» подводятся итоги содержания первой главы: обращение к прозе, датировка его начала; отмечается влияние русской и мировой литературы на поэтику этого романа; описываются сюжетные источники, своеобразие проблематики, создание особого типа героя, стилистика повествования, оригинальность развития феномена любви, стилевые аспекты, концептуальные положения.

Глава II. «Становление прозы М.Ю. Лермонтова. Автобиографическая проза М.Ю. Лермонтова: роман “Вадим”, отрывок “Я хочу рассказать вам...”, роман “Княгиня Лиговская”». Глава охватывает второй период и состоит из 7 параграфов.

В §2.1 «Ранняя проза М.Ю. Лермонтова. Жанрово-стилевые поиски в контексте русской и западноевропейской литературы» прослеживается динамика *осуществления* прозы Лермонтова в 1832-1837 гг., устанавливается творческая логика ее развития⁴³, определяется значение драмы «Маскарад» для

⁴² Родзевич С.И. Лермонтов как романист. Киев, 1914. С. 26.

⁴³ Выражение «логика творчества» в применении к Лермонтову ориентировано на понимание творчества художника как целостной и подвижной системы. Такую цель ставили, например, У.Р. Фохт (Лермонтов. Логика творчества. М.: Наука, 1975), С.В. Савинков (Творческая логика Лермонтова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004).

перехода к «Княгине Лиговской», осмысливается художественный потенциал феномена автобиографизма в драме «Два брата» и «Княгине Лиговской», отмечается кульминация мотива измены в раннем творчестве Лермонтова, а также рассматривается роль сказки «Ашик-Кериб» для романа «Герой нашего времени».

В ранней прозе обнаруживаются значительные переключки с русской и западноевропейской литературами, не подражательность или зависимость, а *со-творение*. Положение аргументируется примерами на основании текстов Шекспира, Гете, Шиллера, Шатобриана, Байрона, Мура, Виньи, Скотта, Гюго, Бальзака и др.

В §2.2 «Художественный концепт любви в ранней прозе М.Ю. Лермонтова» тема любви в ранней прозе писателя рассматривается в различных концептуальных ипостасях. Любовь проявляется у Лермонтова на четырех уровнях как конкретное чувственное переживание, ярко представленное в ранней любовной лирике (циклы Е.А. Сушковой, Н.Ф. Ивановой, В.А. Лопухиной); как экзистенциальное условие жизни человека («...любить необходимость мне»); как этическое отношение к людям («Если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви»); как онтологическая категория, утверждающая «субстанциональные силы бытия» (Ю.В. Манн).

Второй этап (1833-1836) отмечен двумя основными тенденциями в развитии концептуального значения мотива измены: измена как *фатальная неизбежность* («Маскарад») и как *экзистенциальный тупик* для человека («Два брата», «Княгиня Лиговская»). Принципиальной для перспективного решения темы измены стала запись 1837 г. на русском языке азербайджанского дастана «Ашик-Кериб» под жанровым заголовком *турецкая сказка*.

В §2.3 «Автобиографизм как ведущий стилевой принцип ранней прозы М.Ю. Лермонтова» внимание сосредоточено на художественном статусе феномена автобиографизма. В объеме второго периода отмечается неперменная автобиографической составляющей литературы Лермонтова.

В «Маскараде» проблематика драмы вынесена в предельно обобщенный шекспировский контекст. Источником сюжета пьесы «Два брата» послужила личная драма автобиографического героя во всем спектре его переживаний и проявлений.

Художественным освоением жизненной драмы во втором периоде явились стихотворение «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», 1836-1837), набросок начала возможного произведения «Я хочу рассказать вам...» (1836), роман «Княгиня Лиговская» (1836-1838), сказка «Ашик-Кериб» (1837).

В §2.4 «Эволюция прозы М.Ю. Лермонтова (от Веры Лиговской к княжне Мери)» рассматриваются биографические обстоятельства и творческие причины полной остановки работы над «Княгиней Лиговской» и переход к разработке сюжета «Княжны Мери» в 1837 г. Причины перехода к новому сюжету анализируются с опорой на письма Лермонтова к М.А. Лопухиной от 11 мая 1837 г. из Пятигорска и к С.А. Раевскому от 8 июня 1838 г.

Высказывается положение о том, что в основе каждого сюжета лежит творческий импульс – *запрос любви*⁴⁴. Это значит, что, какими бы темами ни осложнялись сюжеты произведений Лермонтова, они развивались исключительно как производные от проблемы любви. В «Княгине Лиговской» Жорж Печорин испытывает постоянное переживание, вьевшееся в его душу, как хроническая болезнь. Готовность, с которой Лермонтов откликается в 1837 г. на подходящую ситуацию (Ставрополь, Пятигорск, целебные воды, водяное общество) и адаптирует ее к сюжету «Княжны Мери», свидетельствует о том, что *замена* проблеме предыдущего романа уже созрела. И ситуация согласуется с будущим смыслом повести «Княжна Мери» и ее глубинными идеями.⁴⁵

⁴⁴ Москвин Г.В. Запрос любви (источник и энергия прозы М.Ю. Лермонтова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М. 2011. № 2. С. 57-69.

⁴⁵ См.: подробнее: Москвин Г.В. Смысл романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: МАКС-ПРЕСС, 2007. С. 21-22, 143-151; Москвин Г.В. Библейские реминисценции в повести «Княжна Мери» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 3. С. 7-17.

В §2.5 «Романный герой ранней прозы М.Ю. Лермонтова» рассматривается эволюция центрального героя прозы.

Проблема эволюции образа главного героя романов Лермонтова тесно связана с формированием художественного типа *героя времени*, феномена *лермонтовского человека* и стилевых тенденций в русской литературе первой половины XIX в.

В прозаических произведениях Лермонтова важную характерологическую и прогнозирующую функцию выполняет развернутый портрет героя. Представление героя в «Вадиме» выдержано в романтической стилистике и состоит из двух групп характеристик – физических и имеющих отвлеченную природу. В жанрово-стилевом плане «Вадим» ориентирован на французскую прозу («Рене» и «Атала» Шатобриана; «Бюг-Жаргаль» и «Собор Парижской Богоматери» Гюго), однако русский сюжет романа (Пугачевское восстание, национальный быт, типы, нравы) компенсирует романтическую стилевую инерцию.

Портрет героя «Княгини Лиговской» содержит стилевые черты русской прозы 1830-х гг.: признаки романтизма (в теме *личность и общество*), натуралистические мотивы, социальная проблематика светской повести, мистическая атмосфера, стилевые черты реалистической поэтики.

Вадим оказывается героем, *затерявшимся* между эпической эпохой народного бунта и буйством романтической личности. Такая неконкретность привела юного, но уже взыскательного художника Лермонтова к необходимости прервать работу. Герой следующего неоконченного романа – Жорж Печорин – образ, имеющий определенное социальное и психологическое *измерение*. Жорж Печорин – герой *бытовой*, подпадающий под определение «один из героев нашего века», частный случай характерологии времени, но за все время и за всех он отвечать не может.

В §2.6 «Роль сказки “Ашик-Кериб” в формировании идеи любви в творчестве М.Ю. Лермонтова» рассматривается история записи сказки

«Ашик-Кериб», отражение в ней типа героя и идеи любви в поэтике прозы Лермонтова.

Утверждается отношение к сказке «Ашик-Кериб» как тексту оригинальному, т.е. творчески обработанному и репрезентирующему художественные идеи Лермонтова. Фольклорная ситуация *любовь – разлука – испытание – верность – счастливая встреча* в «Ашик-Керибе» становится идеальным ориентиром в зрелом творчестве Лермонтова, поскольку в ней отсутствует компонент *измена*, определявший пафос «Вадима» и «Княгини Лиговской».

В §2.7 «Значение романа «Княгиня Лиговская» как произведения, связывающего второй и третий этапы прозы М.Ю. Лермонтова» роман рассматривается как синтезирующий проблематику второго периода творчества.

Центральная сюжетная интрига романа строится на ситуации замужества возлюбленной главного героя Жоржа Печорина – Веры, впоследствии княгини Лиговской. Любовный конфликт романа вырастает из ведущего мотива в теме любви раннего и среднего периодов (1828-1837) – *мотива измены*.

«Княгиня Лиговская» имеет автобиографическую основу и отражает жизненный опыт автора (детство, переход из университета к обучению в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а затем к военной службе, петербургская жизнь, молодые впечатления светской жизни, сердечные увлечения и переживания) и чувство к В.А. Лопухиной. Главные герои романа имеют прототипы или коррелирующие со знакомыми Лермонтова черты.

Роман «Княгиня Лиговская» содержит как натуралистические, так и социальные черты в массовых сценах и в описании визита к чиновнику Красинскому, что является следствием художественной адаптации гоголевской повести, а также признаки социального, исторического, персонажного, изобразительного фона светской повести того времени. Непосредственным литературным источником «Княгини Лиговской» считается «Евгений Онегин».

«Княгиня Лиговская» является первым социально-психологическим реалистическим романом в русской литературе.

Глава III. «Зрелая проза М.Ю. Лермонтова. Роман “Герой нашего времени”: идейная структура» содержит описание основных идейных концентров прозы.

В §3.1 «Принципы рассмотрения проблематики главы» в основу исследования положен тезис об идейно-стилевом единстве «Героя нашего времени» как прозаического произведения. Он определяет цель главы, состоящую в том, чтобы аргументировать особенность и отличие прозы Лермонтова третьего периода от произведений ранних этапов. Выделяются 5 основных идейных концентров зрелого этапа прозы.

§3.2 «Феномен человека и его статус в мире» состоит из 3 подпараграфов.

В §3.2.1 «Отделение человека как духовного и волевого феномена от власти природы» анализируются литературные контексты, в которых происходит столкновение человека со стихией природы. Наиболее полно и последовательно мистерия этих отношений выражена в обращении Лермонтова к повести Фуке «Ундина» и к стихотворному переводу её В.А. Жуковским. В поле исследования попадают художественная адаптация выдержки из «Аталы» Шатобриана (1832) о крокодиле в глубине американского колодца; стихотворение «Русалка плыла по реке голубой...» (1832); песня рыбки из «Мцыри» (1839), эпизод схватки с ундиной в «Тамани» (1839), стихотворение «Морская царевна» (1839).

В повести «Тамань» художник создает мистирию постоянной борьбы порядка и стихии, человека и хаоса, при этом они не сражаются в наивном представлении, как явленные вовне сущности, а противоборствуют согласно рефлексии литературы нового времени.

В §3.2.2 «Обретение человеком своего места через отношение к Богу» раскрывается тема *отношения человека к Богу и к Божьей милости*, которая была смыслообразующей в «Вадиме». Основной эмоцией, определяющей

отношение человека к Богу на раннем этапе прозы Лермонтова, выступает чувство *обманутости* и *оставленности*. Следствия этого чувства проявляются в упреке Богу, претензии на роль демиурга, мятеж, демонстрация независимости.

В «Княгине Лиговской» тема отношения человека к Небу утрачивает свою прямоту, присущую юношескому периоду, и *растворяется* в ироническом стилевом контексте, обнаруживая себя в едких замечаниях. Все повести «Героя нашего времени» не апеллируют непосредственно к проблематике отношения человека к Богу, тем не менее, связаны между собой духовными смыслами, и сюжет каждой из них имеет своим глубинным источником ситуацию, адекватную этим смыслам, выраженным в Священном писании.

В §3.2.3 «Духовные константы личности главного героя как основа идейной структуры романа М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» приводятся максимы, определяющие духовные основания поведения Печорина в романе, высказывается мысль, что, благодаря пограничным ситуациям между жизнью и смертью, в которых оказывается герой, он совершает выбор, показывающий его безусловную приверженность фундаментальным нравственным и духовным основам своей личности. Константы личности Печорина выражают 5 – по числу повестей – экзистенциальных основ жизни человека как субъекта бытия:

1. любовь, создаваемая людьми между собой, должна быть только равной («Бэла»);

2. человек не должен уклоняться от ответа за им содеянное («Максим Максимыч»);

3. человек в столкновении с хаосом должен сохранить душу, обретенную им при рождении («Тамань»);

4. у человека должно быть знание правды *в себе о себе самом* и безусловная верность мечте о любви («Княжна Мери»);

5. человек должен принимать бытие как данность и свою деятельность в жизни понимать как ее постижение («Фаталист»).

Выделенные максимы являют основу идейного содержания образа Печорина и не претендуют на полноту его представления в романе «Герой нашего времени».

В §3.3 «Проблематика жизни и смерти» исследуются фундаментальные вопросы темы, которые отчетливо обозначились в ранней лирике (начиная с 1830) и приобрели концептуальное осмысление в зрелой прозе. На основании проведенного анализа сделаны следующие выводы:

– в творчестве Лермонтова жизнь, смерть и любовь являются ключевыми концептами романа;

– противоречие между жизнью и смертью возможно преодолеть только *в осуществлении любви*;

– *осуществление любви* в жизненном опыте героя в творчестве Лермонтова не показано как реально достижимое;

– *действительность идеала* любви осознается в приятии закона единственности бытия;

– решение вопроса жизни и смерти зависит от осознания человеком своего места и значения в миропорядке, в Замысле Божьем, обнаруживаемом в духовном пласте творчества Лермонтова;

– становление позитивной, восходящей идеи у Лермонтова проходит путь от отрицания смерти к утверждению бессмертия как вечной жизни, обретаемой в любви.

В §3.4 «Любовь как бесконечно достигаемая потребность и цель бытия» утверждается, что обозначенная проблематика сосредоточена в повести «Бэла». Происшедшие в ней события, инициированные поступком Печорина, открывают повествование об утрате человеком любви и бесконечном стремлении обрести ее, вернувшись к *Началу*.

Концептуальная суть любви проявлялась и в ранние периоды творчества Лермонтова. Она обнаруживается во многих произведениях: лирические циклы,

обращенные к Е.А. Сушковой, Н.Ф. Ивановой, В.А. Лопухиной, юношеские драмы «Люди и страсти» и «Странный человек», ранние поэмы, «Вадим», «Маскарад», «Два брата», «Молитва», «Я хочу рассказать вам ...», «Княгиня Лиговская», «Ашик-Кериб».

В «Герое нашего времени» Лермонтов, в поисках любви для своего героя, вывел любовный конфликт из *плена* 5 основных его типов:

1. инстинктивное, природное явление – «Бэла»;
2. стихийная сила – «Тамань»;
3. социально-психологическая коллизия – «Княжна Мери» (княжна);
4. тип брачного союза – «Княжна Мери» (Вера);
5. физиологические отношения – «Фаталист».

В повести «Бэла» Лермонтов обращается к преданию об Адаме и Еве, полагая его как духовную основу произведения. На уровне глубинной, архетипической ситуации смысл повести понимается как *искушение – восхищение любви у Бога* в пределах художественной обусловленности – *невстречаемости* любви в жизни человека и попытке создания ее *героем*. В повести проблема переходит из провиденциальной глубины, от титанических деяний в плоскость *экзистенции* человека, что открывает возможность для многочисленных и разнообразных толкований. Пожалуй, наиболее удачным окажется вытекающее из художественной логики романа утверждение о том, что Печорин предпринимает дерзкую и безрассудную попытку вернуться в начало жизни, в незамутненное опытом существование.

В §3.5 «Отношение к миру: ненависть, презрение, любовь в прозе М.Ю. Лермонтова» последовательно рассматриваются отношения между названными концептами.

Ненависть в этико-философской системе Лермонтова имеет значение резкой дисгармонии человека и мира и получает статус исходного отношения к миру, при этом преодоление *ненависти в человеке* становится обязательным условием торжества *любви* в мире. *Презрение* пропитывает все жизненное поле,

или среду существования человека. И, наконец, *любовь* является высшей целью, определяющей его стремление к благу.

Ненависть и *любовь* выступают у Лермонтова как условие и цель для выхода человека из мира *презрения*. Эти два состояния и два полярных типа отношения к себе и другим являются обязательными для преобразования человека из существа *роевого* и, следовательно, эгоистического, в индивидуальный и этический субъект бытия.

Названная проблематика берёт начало в «Вадиме», получает свое продолжение в «Княгине Лиговской», однако полное представление получает в «Княжне Мери». Отношения *ненависть – любовь* представили глубинную структуру смысла повести, атмосферой *презрения* проникнут *внешний* сюжет. Жизнь людей в *презрении* проходит вне понимания антиномий *ненависть/небытие – любовь/бытие*, поэтому и человек, живущий в *презрении*, оказывается посторонним, т.е. вне выбора «за» или «против».

В §3.6 «Феномен духовности в творчестве М.Ю. Лермонтова» дается определение понятия духовности применительно к прозе Лермонтова и прослеживается процесс рецепции в критике и читательской среде.

Особая слитность религиозного и мирского обусловила феномен духовности творчества Лермонтова, который рассматривается с позиции читательского восприятия и его отражения в русской литературной критике преимущественно XIX – начала XX вв., т.е. в предреволюционную эпоху (до 1917): в статьях Белинского, Григорьева, Ключевского, Андреевского и др. Концептуальные подходы к духовности творчества Лермонтова складываются на рубеже XIX – XX вв. Проблемы духовности творчества Лермонтова были в центре полемики Соловьева и Мережковского; рассматривались в статьях П.Н. Сакулина «Земля и небо в поэзии Лермонтова» и С.В. Шувалова «Религия Лермонтова» (сборник «Венок Лермонтову»).

Духовное, или *духовность*, представляется в работе как единство *провиденциального, нравственного, истинного*, где *провиденциальное*

указывает на причину вещей, *нравственное* – на природу сущего, *истинное* – на путь, по которому следует человек.

Духовность творчества Лермонтова с особой ясностью проявилась в вершинных произведениях его лирики («Ангел», 1831; «Молитва», 1837, 1839; «Когда волнуется желтеющая нива», 1837; «Сон», 1840; «Есть речи – значенье», 1840; «Пророк», 1841; «Выхожу один я на дорогу», 1841) и др. Среди поэм в зрелом творчестве Лермонтова выделяются «Демон» (поздние редакции) и «Мцыри» (1839). Драматургический потенциал периода 1837-1839 гг. полностью поглощен прозой – романом «Герой нашего времени».

Глава IV. «Поздняя проза М.Ю. Лермонтова: роман «Герой нашего времени», повесть “Штосс”, очерк “Кавказец”. Экзистенциальная парадигма в прозе М.Ю. Лермонтова».

В §4.1 «Герой как суверенная личность в прозе М.Ю. Лермонтова» в поле исследования попадают роман «Герой нашего времени» (1837-1841), очерк «Кавказец» (1841) и начатая повесть или набросок возможного романа «Штосс» (1841).

Наблюдения над соотношением биографического и творческого позволяют выделить три основных локуса создания прозаических произведений Лермонтова: Тарханы-Москва, Петербург, Кавказ, – связь которых следует рассматривать в широкой перспективе.

В прозаических текстах последовательно изменяется повествовательная перспектива⁴⁶. В первых романах – «Вадим» и «Княгиня Лиговская» – повествование ведется от третьего лица, главные герои Вадим и Жорж Печорин оказываются связанными общими для всех условиями повествовательного дискурса. Для творчества Лермонтова характерна особого рода слитность автора и героя, порождающая феномен *лермонтовского человека*. В первом романе Вадим выступает как alter ego автора. В «Княгине Лиговской» главный герой отстранен от автора, большая степень их близости во многом

⁴⁶ Термин «повествовательная перспектива» употребляется согласно основным взглядам современной нарратологии и классическим положениям отечественной теории литературы. См.: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; *Gennete G.* Narrative Discourse: An Essay in Method, Trans. Jane Lewin, Ithaca: Cornell University Press, 1980; *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. и др.

обусловлена биографическими и личностными чертами. В следующем романе – «Герой нашего времени» – автор прибегает к повествованию от первого лица. Однако такая стратегия не приводит к традиционной *демиургической* роли автора как создателя текста.

В любом нарративном дискурсе отвлечение автора от себя как *диктатора* при создании образов героев непременно вызывает потребность проникновения в их внутренний мир, ведущую к художественному феномену психологизма, что открывает возможности создания образа героя как суверенной личности.

§4.2 «Психологизм прозы М.Ю. Лермонтова». Психологизм в прозе Лермонтова берет начало в «Княгине Лиговской», однако психологические мотивировки поведения Жоржа Печорина ограничиваются личной позицией автора. Особенностью психологических контекстов у Лермонтова в «Герое нашего времени» является их сюжетный потенциал. В повести «Бэла» сюжет развивается в зависимости от подвижности психологического состояния Печорина и Бэлы. Психологическая деталь выполняет основную функцию в развитии сюжета и в прояснении некоторых неочевидных мест в тексте (поведение Печорина в «Максиме Максимыче»). Показателем для развития сюжетного действия и смысла «Тамани» и «Фаталиста» эффект двойственного восприятия героем происходящего. Смысл «Княжны Мери» раскрывается в понимании психологической игры Печорина через анализ духовной сути интриги с княжной. Стилизовое качество психологизма проявляется и в последнем прозаическом произведении «Штосс» при создании образа главного героя Лугина, но на других художественных основаниях.

Благодаря уместности применения приемов психологизма автор достигает целостности в сопряжении таких категорий, как *герой, деятельность героя, сюжет, идея, смысл*.

В §4.3 «Экзистенциальная проза М.Ю. Лермонтова» рассматриваются проблемы литературной экзистенции человека. Лермонтов входит в русскую литературу во время конфликтного *со-существования* в европейском

культурном сознании мировоззрения позднего романтизма, философии объективного идеализма Гегеля с экзистенциалистскими концепциями С. Кьеркегора и других мыслителей. В русском художественном мышлении это сочетание проявилось как идейно-стилевое разнообразие отечественной литературы в творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, отразивших основные направления постромантического стилового дискурса литературы.

Экзистенциальная проза Лермонтова имеет три интеллектуальных измерения: один связан с феноменом единичной индивидуальной жизни в объеме ее экзистенции, или осуществления, другой – с ее включением в родовую эстафету, третий – с онтологической рефлексией сознания художника. Содержание и идеи экзистенциальной прозы Лермонтова сосредоточены на трёх сферах:

1. обретение веры как условие сохранения цельности личности – «Фаталист»;
2. содержание жизни – «Княжна Мери»;
3. адаптация человека к реальности – «Штосс», «Кавказец».

В заключении приводятся результаты анализа, изложенные в форме выводов по каждой части работы и обобщений по всему тексту диссертации.

Проза Лермонтова разделяется на четыре периода и по отношению ко всему творчеству поэта: роман «Вадим» (вторая половина 1831-1834), выполняющий функцию обобщения раннего творчества Лермонтова; роман «Княгиня Лиговская» (1836-1838), служащий завершением творческого поиска Лермонтова (1833-1836); набросок «Я хочу рассказать вам...» (предположительно 1836 г.), рассматривающийся как эскиз «Княгини Лиговской»; сказка «Ашик-Кериб» (1837), связывающая романы «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени» (1837-1841). Роман «Герой нашего времени» охватывает весь художественный опыт зрелого творчества Лермонтова. Произведения позднего периода прозы (1841) – очерк «Кавказец»

и повесть «Штосс» – представляют начало развития прозы Лермонтова в условиях новой парадигмы русской литературы.

Анализ ранних произведений и переписки Лермонтова позволяет утверждать, что замысел романа «Вадим» и его первые наброски относятся ко второй половине 1831 г. и к концу лета 1832 г. было написано не менее 9 глав. Работа была прервана в 1832 г. и возобновляется в 1833-1834 гг. К этому времени творчество Лермонтова получает жанрово-стилевую полноту выражения (лирика, поэмы, драмы, проза).

Содержательные аспекты романа «Вадим» соотносятся с ранней лирикой Лермонтова в полном объеме. Наибольшая близость между романом «Вадим» и ранними поэмами обнаруживается в циклах исторических поэм, астральных и первых редакциях поэмы «Демон», кавказских поэмах. Повествование в «Вадиме» подготавливается в языке драм «Люди и страсти» и «Странный человек» (1831). На этапе создания романа «Вадим» формируется система изобразительных средств прозы Лермонтов.

Наибольшее влияние на жанрово-стилевые поиски Лермонтова-прозаика (1831-1837) оказала европейская литература, получившая национальное, оригинальное преломление. Художественным своеобразием романтического историзма Лермонтова явилось утверждение со-объемности личности и исторического процесса.

В прозе Лермонтова 1827-1831 гг. мотив измены является ключевым сюжетным фактором. *Поражение в любви* осознается Лермонтовым-художником как *поражение любви*, т.е. предстает не столько как частный факт, а искажение самой ее сущности. Отмеченная проблематика определяет главный стилиевой принцип прозы второго периода Лермонтов – автобиографизм, обнаруживающийся в двух ракурсах: драмах «Маскарад» (1835), «Два брата» (1836), романе «Княгиня Лиговская» (1836-1838), центральным мотивом которых явилась измена в любви, и стихотворении «Молитва» («Я, мать Божия...») (1836-1837) и сказке «Ашик-Кериб» (1837), утверждающих идеал любви. В творчестве Лермонтова формируется четкий принцип: в основе

любого повествования о любви лежит ясное представление об идеале, что позволяет художнику упорядочить частные, поверхностные любовные ситуации.

Лермонтов оставляет романтический стилевой дискурс к 1834 г. («Вадим»). Роман «Княгиня Лиговская» явился первым социально-психологическим, реалистическим романом в русской литературе. В образах Вадима и Жоржа Печорина формируется художественный тип героя времени лермонтовского человека.

В зрелой прозе Лермонтова определяются основные концентры проблематики сюжетов произведений: феномен человека и его статус в мире; жизнь и смерть; этическое отношение человека к миру (ненависть, презрение, любовь); духовность. Изменения в прозе Лермонтова имели три следствия: основу любовного конфликта составляет осознанная автором концепция; исчезает автобиографизм как стилевая доминанта; любое повествование о любви утрачивает личный характер. Соположение откровения Писания и фрагментов мирского произведения в повестях «Героя нашего времени» представляет последовательно применяемый прием с целью насытить художественный текст духовным смыслом.

В прозе Лермонтова развитие субъектосферы в организации повествования наблюдается тенденция к последовательному выделению героя как суверенной личности – принципиально новому явлению в русской литературе, обусловившему проникновение во внутренний мир героя и возникновению художественного феномена психологизма и обусловившего укрепление стилевого феномена экзистенциальной литературы.

Три основные идейные составляющие экзистенциальной рефлексии в литературе нашли воплощение в зрелых и поздних текстах Лермонтова: вера как условие цельности личности («Фаталист»); духовные сущности любви и правды, определяющие содержание жизни человека («Княжна Мери»); адаптация к реальной жизни («Кавказец», «Штосс»).

В прозе Лермонтова представлена жизнь человека в новой для русской литературы экзистенциальной рефлексии – художественного переживания человеческого существования с позиции его назначения, цели, смысла

По теме и содержанию диссертации опубликована **монография «Смысл романа М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» (М., Макс-пресс. 2007)**, а также следующие работы:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

1. *Москвин Г.В.* Библейские реминисценции в повести «Княжна Мери» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2000. № 3. С. 7–17.

2. *Москвин Г.В.* Так прошло около часа (к вопросу о композиции смысла «Тамани») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2002. № 2. С. 109–115.

3. *Москвин Г.В.* Ранняя проза Лермонтова и европейская традиция // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003. № 1. С. 7–23.

4. *Москвин Г.В.* Запрос любви (источник и энергия прозы М.Ю. Лермонтова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 2. С. 57–69.

5. *Москвин Г.В.* Первый период творчества М.Ю. Лермонтова (ранняя лирика) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 3. С. 107–116.

6. *Москвин Г.В.* Методическая организация представления романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова в школьном учебном процессе на современном этапе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 8. С. 75–82.

7. *Москвин Г.В.* К вопросу духовности творчества М.Ю. Лермонтова. Обзор критики 1840-1914 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 78–88.

8. *Москвин Г.В.* Интерпретация феномена ундины в творчестве Фридриха де ла Мотт Фуке (повесть «Ундина»), В.А. Жуковского (стихотворный перевод повести «Ундина»), М.Ю. Лермонтова (повесть «Тамань») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 252–257.

9. *Москвин Г.В.* Четыре портрета (эволюция словесного портрета романного героя М.Ю. Лермонтова – лермонтовского человека) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 61–72.

10. *Москвин Г.В.* Эволюция прозы Лермонтова (от Веры Лиговской к княжне Мери) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 124–134.

11. *Москвин Г.В.* Пророк: таинство преображения и жажда Истока (Пророческая тема в поэзии А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 240–245.

12. *Москвин Г.В.* Духовные константы личности главного героя как основа идейной структуры романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (Чем не может поступиться Печорин) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 5. С. 62–68.

13. *Москвин Г.В.* Лирические источники поэтики романа М.Ю. Лермонтова «Вадим» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 3. С. 42–47.

14. *Москвин Г.В.* Психологизм прозы М.Ю. Лермонтова. К вопросу чтения и изучения романа «Герой нашего времени» // Литература в школе. 2019. № 5. С. 2–7.

15. *Москвин Г.В.* Очерк «Кавказец» как феномен экзистенциальной парадигмы в прозе М.Ю. Лермонтова // Litera. 2021. № 3. С. 19-28. URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35041 (дата обращения: 01.03.2021). ИФ РИНЦ – 0,149.

Статьи в других научных изданиях

16. *Москвин Г.В.* Finita la Commedia (Об иноязычном дискурсе в прозе Лермонтова) // Язык. Сознание. Коммуникация. 2001, вып. 19. С. 130–137.

17. *Москвин Г.В.* Как построен роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Домашний лицей. 2002. № 3. С. 80–85.

18. *Москвин Г.В.* «...То были Шотландские Пуритане» (что читал Печорин перед дуэлью) // Язык. Сознание. Коммуникация. 2002, т. 22. С. 114–132.

19. *Москвин Г.В.* К вопросу об элементе живописи в прозе М.Ю. Лермонтова (на примере романа «Вадим») // Язык. Сознание. Коммуникация. 2002, т. 21. С. 148–158.

20. *Москвин Г.В.* Проблематика жизни и смерти в творчестве Лермонтова // Russian Studies. Institute for Russian, East European and Eurasian Studies. Seoul National University. 2003. Т. 13. № 2. С. 213–234.

21. *Москвин Г.В.* «...Но где же Спаситель?» (к вопросу о библейских и литературных источниках одной фразы Печорина в «Тамани») // Язык. Сознание. Коммуникация. 2003, т. 24. 2003. С. 121–128.

22. *Москвин Г.В.* Начало прозы Лермонтова (К вопросу о датировке «Вадима») // Тарханский вестник. 2004, т. 17. С. 82–92.

23. *Москвин Г.В.* Ранние исторические поэмы М.Ю. Лермонтова (к вопросу о жанрово-стилевых аспектах генезиса романа «Вадим») // Восьмые международные Виноградовские чтения. Проблемы истории и теории литературы и фольклора. Материалы конференции 23-25 марта 2004. 2004. С. 297–312.

24. *Москвин Г.В.* Замысел о Мстиславе Черном как прообраз романа «Вадим» // Лермонтовские чтения 2007. Спб., 2008. С. 143–147.

25. *Москвин Г.В.* Типология любовного конфликта в прозе Лермонтова и французской литературе 20-30 гг. XIX века // Лермонтовские чтения 2008. СПб., 2009. С. 85–92.

26. *Москвин Г.В.* Полилог как структурное единство и повествовательная единица в прозе М.Ю. Лермонтова // Современные проблемы славянской филологии: международная научная конференция. Сб. ст. Ун-т Чжен-Чжи. Тайбэй, Тайвань. 19-20 мая 2008. 2009. С. 265–274.

27. *Москвин Г.В.* Концепты «Смерть», «Сон», «Любовь» в лирике М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения 2009. СПб., 2010. С. 90–98.

28. *Москвин Г.В.* Сказка «Ашик-Кериб» и ее роль в любовном конфликте романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы. Ереван: Ереванский гуманитарный институт, 2011. С. 152–167.

29. *Москвин Г.В.* Ранние кавказские поэмы М.Ю. Лермонтова и роман «Вадим» // Лермонтовские чтения 2010. СПб., 2011. С. 90–98.

30. *Москвин Г.В.* Ранние драмы М.Ю. Лермонтова и юношеский роман «Вадим» // Лермонтовские чтения 2011. СПб., 2012. С. 147–160.

31. *Москвин Г.В., Виролайнен М.Н.* Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова «М.Ю. Лермонтов в русской культуре» (Москва, 6-8 октября: Санкт-Петербург, 9-11 октября 2014 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 4. С. 161–174.

32. *Москвин Г.В., Пуряева Н.Н.* Юбилейная Лермонтовская конференция на филологическом факультете МГУ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 6. С. 218–224.

33. *Москвин Г.В.* «Ашик-Кериб» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 41–42.

34. *Москвин Г.В.* «Герой нашего времени» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 75–78.

35. *Москвин Г.В.* «Княгиня Лиговская» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 225–227.
36. *Москвин Г.В.* «Вадим» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 62–64.
37. *Москвин Г.В.* Измена // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 179–180.
38. *Москвин Г.В.* Любовь // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 298–300.
39. *Москвин Г.В.* Ненависть, презрение, любовь // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 333–335.
40. *Москвин Г.В.* Периодизация творчества М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 366–367.
41. *Москвин Г.В.* Повествовательные жанры (роман, повесть, очерк) // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 380–382.
42. *Москвин Г.В.* Герой прозы Лермонтова (Григорий Александрович Печорин) // М.Ю. Лермонтов: Pro et Contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Т. 2. СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 367–384.
43. *Москвин Г.В.* Песня Ангела в творчестве М.Ю. Лермонтова: откровение и таинство // Лермонтовские чтения 2013. СПб: Лики России. 2014. С. 56–65.
44. *Москвин Г.В.* Зачем я так упорно добиваюсь любви?.. (Суть любовной интриги Печорина в повести «Княжна Мери». К вопросу о духовном основании повести) // Stephanos.2015. № 5. URL: <http://stephanos.ru/index.php?cp=309&getNum=32> (дата обращения: 03.11.2020).

45. *Москвин Г.В.* Почему и зачем Печорин похитил Бэлу? // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2015. Т. 32. С. 43–55.

46. *Москвин Г.В.* «Смешно и досадно» (повествовательная интермедия в повести «Княжна Мери» – ночь перед поединком) // Филология: научные исследования. 2020. № 9. С. 1–10.